

О графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ *).

О чемъ бы ни говорилъ человѣкъ, онъ чаще всего въ своей рѣчи начинаетъ съ самого себя, свое „я“ дѣлаетъ исходнымъ пунктомъ своего разсужденія. И это не по самолюбію, а потому что нельзя уйти отъ самого себя и все внѣ себя знаешь лишь постольку, поскольку оно прямо или косвенно соприкасалось съ тобою. Вотъ почему я прошу Васъ не удивляться, что, начиная рѣчь о Толстомъ, я стану говорить о самомъ себѣ. И я заранѣе увѣренъ, что Вы не удивитесь тому, что, продолжая эту рѣчь, я буду часто обращаться къ предмету нашихъ занятій, къ нашей школѣ, къ ея идеаламъ.

Л. Н. Толстой—уроженецъ и житель крапивенскаго уѣзда, большую часть своей жизни онъ провелъ въ Исной Полянѣ и покинулъ ее лишь затѣмъ, чтобы умереть. И—уроженецъ г. Крапивны, до 20 лѣтъ мои интересы привязывались главнымъ образомъ къ этому моему родному городу. Сочиненія

*) 9 го ноября прочитавъ одну очередную лекцію и придя снова въ аудиторію, чтобы читать другую, я нашелъ на кафедрѣ обращенную ко мнѣ записку: „просимъ васъ сказать свое слово по поводу смерти Льва Николаевича Толстого“ Желаніе студентовъ въ данномъ случаѣ выслушать меня—православнаго апологета—я нашелъ естественнымъ и законнымъ Я сказалъ то, что думалъ о Толстомъ. Но достигнутый въ располѣхѣ предложеніемъ своимъ слушателей я, повятно, изтагалъ свои мысли не въ систематической и литературной формѣ и опустилъ нѣчто, что, мнѣ кажется, слѣдовало бы добавить. Теперь я печатаю свою рѣчь, сообщая ей лишь нѣкоторую отшлифовку и небольшие дополненія, но не измѣняя ея существа и не снабжая ее никакими дополнительными справками

Толстого я началъ читать, лишь только выучился читать. Думаю что это скажутъ всѣ крапивенскіе школьники моего поколѣнія. Книгами для чтенія Толстого тогда были наполнены бібліотеки нашихъ начальныхъ школъ. И въ моей памяти осталось, что эти книги съ захватывающимъ интересомъ читали и взрослые („Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Кавказскій плѣнникъ“). Въ 1876 г. мнѣ пришлось увидѣть Толстого на урокахъ въ крапивенскомъ уѣздномъ училищѣ. Мнѣ было тогда 10 лѣтъ, потомъ я его уже не видѣлъ болѣе. Помню разговоры объ этомъ толстовскомъ посѣщеніи школы. Въ Толстомъ видѣли тогда прежде всего и прямо барина, имѣющаго право интересоваться чѣмъ ему угодно, а потомъ и косвенно ревизора. Сочиненія Толстого циркулировали въ Крапивнѣ. На меня десятилѣтняго произвели сильное впечатлѣніе „дѣтство“ и „отрочество“ и особенно одинъ разсказъ о самоубійствѣ какого-то графа (кажется, разсказъ маркера). Потомъ я не перечеитывалъ ихъ. Вообще, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, вызванныхъ желаніемъ что либо провѣрить или выяснить относительно Толстого я никогда не читалъ дважды одного и того же его произведенія. Кажется, изъ его Анны Карениной, печатавшейся въ Русскомъ Вѣстникѣ, впервые я узналъ о существованіи атеизма и атеистовъ.

Толстой для крапивенцевъ былъ не только знаменитымъ литераторомъ, но и мѣстнымъ дѣятелемъ—онъ былъ мировымъ посредникомъ, членомъ училищнаго совѣта, земцемъ. Его мнѣнія порою поражали крапивенцевъ, то онъ скажетъ, что земская медицина безусловно бесполезна, и что два ведра воды нужнѣе, чѣмъ всѣ лѣкарства, то заявитъ, что воровъ не надо сажать въ острогъ, но на этихъ его мнѣніяхъ не останавливали надолго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ не проявлялъ упорства въ ихъ защитѣ, а постепенно отстранялся отъ участія въ дѣлахъ уѣзда, обособлялся отъ его интересовъ. Постепенно онъ становился всемирнымъ, но можетъ показаться страннымъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ переставалъ быть крапивенскимъ. Когда онъ сталъ привлекать вниманіе всего міра, вниманіе его земляковъ стало къ нему ослабѣвать.

Нельзя удивляться этому. То новое, что Толстой сталъ возвѣщать міру, не было новостью для его родного города

Видите ли: ново все то, что хорошо забыто. Лекція о томъ, что земля неподвижна, можетъ быть сенсационною и представляется парадоксальною въ Лондонѣ или Берлинѣ, но когда старшій братъ Льва Николаевича Сергѣй Николаевичъ, крапивенскій предводитель дворянства, привезъ въ Крапивну сообщеніе: „братъ говоритъ, что земля не двигается“, то какую сенсацию могло произвести это отрицаніе коперниковской теоріи въ городѣ, гдѣ очень немногіе слышали о ней, а большинство жило, совсѣмъ не подозрѣвая о ея существованіи?

Точно также, какое значеніе могло имѣть для Крапивны воспроизведеніе Толстымъ разсужденій Руссо о вредѣ культуры, когда во всемъ городѣ едва ли можно было найдти 10 человѣкъ, знающихъ приведеніе дробей къ одному знаменателю, когда учитель ариѳметики рѣшилъ тамъ проблему о квадратурѣ круга, обтянувъ мѣдный пятакъ ниткой и потомъ ее вытянувъ и смѣривъ, когда учитель русскаго языка писалъ здѣсь „кулыбель“, а мѣстный геній, энциклопедистъ и вольнодумецъ, пріобрѣтя книги Дарвина, оставилъ ихъ неразрѣзанными?

Толстой сталъ косить, пахать землю, шить сапоги и класть печи. То, что Толстой умѣлъ все это дѣлать, не могло удивлять крапивенцевъ. Многіе, занимавшіе въ городѣ по своему состоянію или положенію высшія мѣста, начинали свою карьеру съ нищеты, раньше, чѣмъ познакомиться съ сапогами, сами плели для себя лапти. Мѣстные представители культуры—духовные—понятно хорошо были знакомы съ искусствомъ косьбы и пахоты, ибо отцы ихъ сами и пахали и жалли. Но другой вопросъ—зачѣмъ Толстой сталъ это дѣлать, когда у него не было нужды? Зачѣмъ онъ склалъ печку бѣдной вдовѣ и склалъ будто бы по ея отзыву неважно („а какъ ему скажешь—графу-то?“), когда могъ бы помочь ей деньгами? Надъ этимъ вопросомъ не задумывались: барское—чужачество, баловничество. Притомъ это чужачество не представлялось и оригинальнымъ. Теорія „опрощенія“ была примѣнена на практикѣ нѣкоторыми недоучившимися джентльменами прибывшими въ Крапивну изъ столицъ, но такъ какъ у этихъ джентльменовъ не было ни средствъ, ни умѣнья, то понятно, что ихъ опыты потерпѣли крушеніе.

Толстой сталъ писать богословскіе трактаты—подвергъ критикѣ катихизисъ Филарета, написалъ критику Догматическаго Богословія м. Макарія. Но религіозная жизнь моеѣ православной родины мало соприкасалась съ подвергнутыми Толстымъ критическому анализу твореніями. Изъ катихизиса помнили лишь казавшіяся странными славянскія выраженія, а на большого Макарія мѣстные представители богословскаго знанія смотрѣли какъ на такой бездонный кладезъ мудрости, въ который самое лучшее не пытаются проникнуть. У насъ вѣрили просто и съ одинаковымъ равнодушіемъ проходили мимо и нападеній на вѣру и защиты вѣры. Не могъ Толстой показаться и оригинальнымъ, тамъ, гдѣ не занимались догматическими тонкостями, богословскіе вопросы сводились къ одному: есть Богъ или нѣтъ? О томъ, что есть отрицающіе Бога, крапивенцы знали съ шестидесятихъ годовъ. Но Толстой никогда не отрицалъ Бога. А разбираться въ томъ, какъ онъ Его понимаетъ, какъ онъ представляетъ свои отношенія къ Нему, это казалось и долгимъ и труднымъ и бесполезнымъ.

Между тѣмъ, когда Толстой сталъ жить своею новою жизнію и писать свои богословскіе трактаты, онъ пересталъ совсѣмъ жить интересами своего уѣзда, онъ отошелъ отъ него. Новыя занятія Толстого были чужды его окружающимъ: вотъ почему, когда онъ сталъ привлекать вниманіе міра, вниманіе ближнихъ къ нему ослабѣло.

Но почему онъ привлекъ вниманіе міра? Самый простой отвѣтъ на это тотъ, потому что Толстой—міровой геній. А изъ чего видно, что онъ—міровой геній? Потому что онъ признанъ въ качествѣ такового міромъ по большинству голосовъ. Для лицъ, живущихъ стадною жизнію и стадными инстинктами, этого объясненія достаточно, они всегда поклонялись и будутъ поклоняться тому, кому наиболѣе кланяются въ данную минуту. Но однимъ изъ безспорныхъ достоинствъ покойнаго Толстого являлось его умѣнье не заражаться настроеніемъ толпы и не слѣдовать на буксирѣ за ея вѣрованіями и симпатіями. Для Толстого Шекспиръ—ничто, произведенное случаемъ (похвалами Гете) въ міровые геніи, для Толстого ничто и иные кумиры міра. Въ его книгахъ для чтенія воспроизводится сказка Андерсена о томъ, какъ мошенники обязались королю сшить платье, которое могутъ видѣть

только умные люди и какъ они не принесли ему никакого платья, но всѣ, думая, что они не видятъ костюма лишь потому что не умны, восхищались невидимой одеждой короля. Король отправился по городу и всѣ хвалили его платье, пока наконецъ одинъ ребенокъ не закричалъ: „да онъ почти голый!“ И всѣмъ стало стыдно.

Въ настоящее время когда въ европейскомъ обществѣ ослабѣлъ культъ святыхъ людей, въ немъ усилился культъ великихъ людей. Не строятъ церквей во имя подвижниковъ Божіихъ, но называютъ улицы именами героевъ челоуѣчества. Не строятъ часовенъ святымъ, но ставятъ памятники великимъ. Это конечно, проявленіе того же религіознаго инстинкта почитанія, обращеннаго только совсѣмъ не на религіозную сферу. И такъ какъ инстинктъ требуетъ удовлетворенія, то за отсутствіемъ великихъ людей ихъ перѣдко выдумываютъ.

Я этимъ вовсе не хочу подсказать вывода, что Толстой—король безъ платья. Напротивъ, на немъ очень много платья. Изучить то, что онъ написалъ, и оцѣнить то, что онъ сдѣлалъ, очень трудное дѣло. И настоящій моментъ крайне неудобенъ и неумѣстенъ для того, чтобы доказывать, что это платье—изъ плохого матеріала и дурного фасона. Въ настоящій моментъ, когда засыпается землю его могила, если о чемъ нужно вспоминать, то конечно о тѣхъ его дѣлахъ, которыя Божественнымъ судомъ вмѣняются въ оправданіе.

Существенное обвиненіе, которое законно предъявляется къ Толстому, состоитъ въ томъ, что онъ—еретикъ и онъ—еретикъ не только по отношенію къ православію, отъ котораго онъ давно отпалъ и къ которому можетъ быть постепенно приближался, онъ—еретикъ по отношенію ко всѣмъ религіямъ и исповѣданіямъ, еретикъ—по отношенію ко всѣмъ существующимъ и даже проектируемымъ формамъ государственнаго и общественнаго устройства, еретикъ—въ большинствѣ вопросовъ общежитія, экономическихъ, научныхъ. Онъ—человѣкъ оппозиціи. Но тяжесть этого обвиненія значительно смягчается и парализуется тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что къ этому человѣку оппозиціи приходили самые разнообразныя люди и въ числѣ ихъ православные епископы и уходили отъ него не съ чувствомъ разочарованія и раздраженія, а, судя по ихъ словамъ и заявленіямъ, съ

такимъ чувствомъ, что между ними и Толстымъ какъ бы существуетъ какая то нравственная связь.

Почему это?

Я думаю, что къ Толстому болѣе, чѣмъ къ кому-либо, можно приложить слова Гете, влагаемая имъ въ уста Бога, оправдывающаго Фауста предъ Мефистофелемъ:

Der Mensch irrt, bis strebt.

Пока человѣкъ ищетъ, онъ блуждаетъ. Толстой искалъ правды и блуждалъ. Но правды онъ искалъ искренно. Ни на минуту нельзя усумниться, что, когда у него возникало сомнѣніе въ существованіи правды, онъ дѣйствительно протягивалъ руку къ шнурку, чтобы повѣситься, или къ ружью, чтобы застрѣлиться. Но инстинктъ жизни помѣшалъ ему покончить съ собой и помогъ ему, если не увидѣть свѣтъ правды, то по крайней мѣрѣ ощутить мерцаніе нѣкоторыхъ ея лучей достаточное для того, чтобы убѣдиться въ существованіи правды и оправдать жизнь. Толстой былъ искреннимъ искателемъ правды. Въ этомъ его добродѣтель и его заслуга. Приходившіе къ нему люди не могли не чувствовать искренности его исканій и каждый изъ нихъ, понимая правду по своему, утѣшалъ себя мыслию, что вѣчно ищущій Толстой придетъ къ его правдѣ. Каждый о немъ предполагалъ то, что нѣкогда предположилъ Амвросій медиоланскій объ Августинѣ. Когда мать послѣдняго жаловалась Амвросію на отчужденность сына отъ христіанства, на его блужданія и говорила о своихъ безчисленныхъ слезахъ, вызванныхъ представленіями объ ожидающей сына горькой участи. Амвросій будто бы сказалъ: „не можетъ быть, чтобы сынъ столькихъ слезъ погибъ“. И Августинъ дѣйствительно сталъ блаженнымъ Августиномъ, величайшимъ богословомъ эпохи. И при соприкосновеніи съ Толстымъ видно получалось то впечатлѣніе, что не можетъ быть, чтобы человѣкъ столь честныхъ исканій не нашелъ того, что ищетъ.

Но правды онъ не нашелъ. Неоднократно въ жизни онъ протягивалъ свою десницу въ ту или иную сторону и говорилъ: вотъ, что нужно. Иногда на этомъ пужномъ онъ останавливался подолгу, но ни на чемъ онъ не остановился навсегда. Послѣдніе дни его жизни свидѣтельствуютъ объ этомъ. Уже десятилѣтія тому назадъ онъ заявилъ міру, что принимаетъ слова Христа: „царство Божіе внутри васъ есть“

(Лк. 17, 21). Онъ хотѣлъ сдѣлать эти слова принципомъ своей жизнедѣятельности. Все дѣло въ томъ, чтобы наполнить свой духъ любовью и миромъ. Но друзья и почитатели покойнаго мыслителя говорятъ намъ о какой то переживавшейся имъ трагедіи. Возникаетъ вопросъ: какая трагедія можетъ быть вызвана земными пестроеніями у того, кто смотритъ на все *sub specie aeternitatis*? Однако трагедія была. И Толстой вопреки себѣ пошелъ искать царства Божія внѣ себя и внѣ своего дома.

Отчего правда не открылась ему? Отчего небо не звѣстило ему истины, когда онъ, такъ жадно желалъ владѣть ею? Отвѣтъ на это находится въ Евангеліи. Христосъ сказалъ: „славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ младенцамъ. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволеніе“ (Лк. 10, 21). Между правдою, которую искалъ Толстой, и Толстымъ стояло средостѣніе, позволяю себѣ думать, значительно потерявшее крѣпость съ годами. Толстой въ своемъ исканіи правды слишкомъ довѣрялся себѣ, слишкомъ высоко цѣнилъ свои силы. Въ этомъ отношеніи является Толстой противоположностью другому искателю правды—Паскалю, очень рано выяснившему себѣ истину словъ Евангелія: „если не обратитесь, и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“ (Мѣ. 18, 3). Толстой былъ художникомъ, художники характеризуются непосредственностью и силою впечатлѣній и чувствъ. Толстой сильно довѣрялся своему непосредственному чувству. Молодой Толстой проповѣдывалъ культъ эгоизма, онъ отвергалъ какъ нелѣпое ученіе о томъ, что ближняго нужно любить какъ самого себя. Онъ былъ для себя центромъ міра, могучее чувство личной жизни было въ немъ сильнѣе всего. Но вотъ — Толстой ищетъ счастья въ женитьбѣ, происходитъ бифуркація эгоизма. Еще немного лѣтъ, и Толстой начинаетъ чувствовать, что счастье— не въ любви къ себѣ, а—въ любви къ другимъ. Но чувство земной жизни, чувство пантеистически—материалистическое въ немъ еще сильно, онъ не чувствуетъ нужды въ высшемъ мірѣ, ему довольно земли. И изъ ученія о любви Новаго Завѣта онъ тщательно выбираетъ изреченія о любви къ ближнему, также изреченія, обличающія людей, которые заявленіями о своей любви къ Богу прикрываютъ отсутствіе

любви къ ближнимъ. Но вотъ еще шагъ впередъ. Если любовь къ себѣ недостаточна для того, чтобы быть блаженной, то потомъ такую же недостаточною оказывается и любовь къ ближнимъ, ибо ближніе это тоже модификаціи моего „я“, также слабы, жалки и ничтожны. Любовь къ нимъ соединяется съ жалостью. Но блаженная любовь соединяется съ благоговѣніемъ. Достойнымъ объектомъ любви является живой христіанскій Богъ. Къ этому Богу и шель Толстой, но онъ слишкомъ вѣрилъ въ свое личное умѣнье находить вѣрный путь и поэтому дѣло его приближенія къ Богу оказывалось такимъ медленнымъ.

Я подчеркиваю однако, что его путь исканій былъ путемъ приближенія. Я сужу объ этомъ на основаніи его словъ и поступковъ.

20—22 февраля 1901 г. Синодъ объявилъ Толстого отпавшимъ отъ церкви. Для лицъ, знавшихъ православное вѣроученіе и „*sa religion*“ Толстого, это было лишь констатированіемъ факта. Къ числу такихъ лицъ прежде всего принадлежалъ самъ Толстой и однако онъ оскорбился этимъ опредѣленіемъ, что и выразилъ въ своемъ на него отвѣтѣ. Но если православная церковь есть община, содержащая ложное ученіе, и если вожди ея дѣйствуютъ во имя честолюбія и своекорыстныхъ расчетовъ, то повидимому—чего же обижаться, когда община о чловѣкѣ такъ ее тракующемъ заявляетъ, что онъ къ ней не принадлежитъ? Можно было бы только заявить: и не принадлежу и не хочу принадлежать. Толстой дѣйствительно заявилъ, что онъ не принадлежитъ къ общинѣ и выразилъ порицаніе тому, что община заявила объ этомъ. Здѣсь—противорѣчіе, источникъ котораго, смѣю думать, крылся глубоко въ тайникахъ души Толстого. Его рѣзкія и кощунственныя нападенія на православіе можетъ быть были отчасти тѣмъ, чѣмъ было жестокое преслѣдованіе христіанъ ап. Павломъ. Толстой чувствовалъ, что онъ не правъ, можетъ быть, даже желая быть обличеннымъ, онъ настаивалъ на своей правотѣ. Но убѣдительно для себя голоса обличенія онъ не услышалъ. Не услышалъ со стороны, но можетъ быть, этотъ голосъ заговорилъ въ немъ самомъ. Онъ становился все терпимѣе и терпимѣе. Мало этого. Своимъ посѣтителемъ онъ сталъ выражать сожалѣніе, что въ своихъ произведеніяхъ онъ оскорблялъ

чужія вѣрованія и тѣмъ возбуждалъ вражду. Онъ постепенно примирялся если не съ вѣрою, то съ вѣрующими. Два года назадъ Толстого посѣтилъ Тульскій епископъ Пареній. Очевидецъ этого свиданія говорилъ мнѣ, будто Толстой встрѣтилъ епископа словами: „благодарю васъ за то, что вы не погнушались посѣтить отверженнаго старика“. Слова Толстого дышали скорбью. Человѣкъ, къ которому протягиваль руки весь міръ, почувствовалъ тоску о томъ, что какое то учрежденіе, которое онъ порицалъ, которое порицаютъ и надъ которымъ глумятся и печатно и устно столь многіе его почитатели, это учрежденіе только заявило, что Толстой не состоитъ его членомъ. Стоило ли горевать, стоило ли скорбѣть объ этомъ, не нужно ли было радоваться? Но Толстой не радовался. И когда передъ самою смертію онъ стучался въ ворота Оптиной пустыни, онъ снова называлъ себя отверженнымъ. Какой же онъ отверженный, если къ нему съ любовію и глубокимъ почтеніемъ были обращены взоры всего міра?

Обстоятельства смерти Толстого вызываютъ на глубокія размышленія и рождаютъ много вопросовъ. Онъ умеръ какъ жилъ, *не обыкновенно*. Но почему у него, для котораго былъ открытъ весь міръ кромѣ церквей и монастырей, предпослѣдними этапами на пути къ вѣчности были Оптина пустынь и Шамардинскій монастырь? Я думаю и не потому только, что мнѣ такъ хочется думать, а на основаніи фактовъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Толстой чувствовалъ нужду въ церкви, которую раньше объявилъ ненужной, и что это чувство росло въ немъ съ приближеніемъ смерти. Мнѣ будетъ очень прискорбно, если мое предположеніе окажется ошибочнымъ, но пока я не вижу ничего, что бы его опровергало.

Можетъ быть это навсегда останется невыясненнымъ. Уже давно мое вниманіе останавливалось на сходствѣ судьбы Толстого и Вольтера. Если во второй половинѣ XVIII вѣка письма изъ Америки адресованныя: „Европа, господину Вольтеру“, увѣренно направлялись въ Фернэ, то во второй половинѣ XIX и началѣ XX письма съ адресомъ: „Европа, Толстому“ также увѣренно могли быть направляемы въ Меную Поляну. Теперь сходство открывается и въ обстоятельствахъ ихъ смерти. Вольтеръ покинулъ Фернэ и умеръ

въ Парижѣ, при чемъ приводятся свидѣтельства, что онъ умеръ на пути къ примиренію съ католическою церковью. Толстой, покинувъ Ясную Поляну, не достигъ конечнаго пункта своего земного пути, но умеръ какъ бы тоже на пути къ примиренію съ церковью. Несомнѣнно, многіе будутъ отрицать послѣднее, многіе отрицаютъ тоже самое и о Вольтерѣ.

Вольтеръ и Толстой считаются трибунами челоѳчества. Но для нашей школы и особенно для моей кафедры, посвященной изученію и обсужденію челоѳческихъ мнѣній о Богѣ и Его правдѣ, Вольтеръ и Толстой представляютъ главнымъ образомъ интересъ, какъ искатели религіозной истины. У нихъ одни и тѣ же руководители въ дѣлѣ этого искапія: у Вольтера—англійскіе деисты, у Толстого—тѣ же деисты только черезъ Руссо. Но Толстой въ своихъ искапіяхъ проявилъ несравненно больше искренности и нравственной высоты, чѣмъ Вольтеръ. Однако признавая это, нужно принять во вниманіе, что Толстому поступать такъ было гораздо легче, чѣмъ Вольтеру: жизненный путь послѣдняго былъ далеко не такъ щедро усыпанъ розами, какъ путь Толстого.

Но оставимъ въ покоѣ фернейскаго мыслителя и обратимся къ яснополянскому.

Въ своихъ религіозныхъ и нравственныхъ разсужденіяхъ Толстой можетъ сильно подкупать и также сильно отталкивать. Подкупаетъ его непосредственность и искренность. Толстой безмѣрно прямолинеенъ, онъ не развязываетъ узлы, онъ ихъ всегда разрубаетъ. Онъ отрекается отъ клятвы, отъ мяса, отъ насилія. Но отталкиваетъ отъ Толстого его самонадѣянность. То, чего онъ не понимаетъ, онъ всегда отрицаетъ. Онъ встрѣчается съ догматомъ троичности, выраженіе троица въ единицѣ, $3=1$, представляется ему абсурдомъ и онъ очень легко и быстро кончаетъ съ вѣрованіемъ столь древнимъ и такъ широко распространеннымъ. Такое отношеніе къ догмату не ново. Въ произведеніи, кажется, IV вѣка „Филопатрисъ“ одинъ проситъ другого въ подтвержденіе своихъ словъ поклясться троицей въ единицѣ. Собесѣдникъ отвѣчаетъ: „я вижу подъ предлогомъ клятвы ты хочешь учить меня новой ариѳметикѣ“. Для Толстого, какъ и для этого собесѣдника, новая ариѳметика стоитъ въ про-

творѣчій съ разумомъ. Но для лицъ болѣе долго занимавшихся проблемою вопросъ этотъ далеко не такъ простъ и ставится иначе. Почему идея тріадности была въ вавилонской религіи, почему она еще болѣе развита въ египетской, почему мы находимъ ее у дикарей бавилии, наконецъ—лѣпа она или не лѣпа, почему она возникла, развилась и утвердилась въ христіанствѣ? Изученіе генезиса идеи скорѣе опредѣлитъ ея цѣнность, чѣмъ наивная провѣрка ученія о Безконечномъ теоріей конечныхъ чиселъ.

Толстой отрицалъ свободу воли. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ такъ это просто. Каждое явленіе должно имѣть причину, безпричинныхъ дѣйствій не можетъ быть, слѣдовательно, не можетъ быть дѣйствій свободныхъ. Это онъ развивалъ еще въ „Войнѣ и мирѣ“. Впослѣдствіи онъ развивалъ еще теорію, согласно которой свобода выбора возможна лишь въ существахъ несовершенныхъ, у существа совершеннаго отнята возможность выбора, потому что совершенное существо всегда знаетъ, что лучше всего, и избираетъ лучшее. Получается, правда, нѣсколько странный выводъ, что кто болѣе глупъ, тотъ и болѣе свободенъ, но Толстой прямолинеенъ и выводы никогда не смущали его. Толстой не обратилъ вниманія здѣсь только на двѣ вещи: во 1) на то, что понятіе причинности далеко не просто и далеко невыяснено, во 2), что всѣ его рѣчи о человѣческой несвободѣ стоятъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ его толстовскою свободою: чувство свободы и воля у него были гораздо сильнѣе, чѣмъ у многихъ.

Толстой отрицалъ все чудесное. Въ этомъ отношеніи его взгляды совпадаютъ съ научнымъ міросозерцаніемъ нашихъ дней. Несомнѣнно научный духъ эпохи сказался на немъ гипнотическимъ образомъ, хотя онъ самъ и не отдавалъ своихъ силъ наукѣ и не смотрѣлъ на нее съ благоговѣніемъ фетишиста, какъ на нее смотрятъ обыкновенно. Но вѣдь и человѣку могучихъ нравственныхъ силъ не всегда удается избѣгать тѣхъ вліяній, какихъ онъ бы хотѣлъ избѣжать. Въ данномъ случаѣ къ духовному климату эпохи сильно подходила и личность Толстого. Толстой — реалистъ: мистическое, загадочное, таинственное чуждо его душѣ. Затѣмъ рядомъ съ чудомъ нерѣдко стоитъ обманъ. Это—законъ жизни. Около одного дѣйствительнаго святого всегда стоятъ

десятки шарлатановъ притворяющихся святыми. Но Толстой страшно гордь. Онъ боится быть обманутымъ, особенно быть обманутымъ въ самыхъ высшихъ и лучшихъ чаяніяхъ и надеждахъ. Толстой никогда не могъ сказать: „тмы низшихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“, Толстой хочетъ истины, которую онъ отождествлялъ съ дѣйствительностью, чувствовавшейся имъ необыкновенно сильно.

Но его чутко художественную и нравственную натуру поражаетъ правда Евангелія. Какъ быть? ученіе такъ прекрасно, но для него указывается сверхъестественный источникъ и основа и утверждается, что безъ сверхъестественной помощи даже невозможно его осуществить. Толстой тогда рѣшается произвести надъ Евангеліемъ операцію, которую производили многіе до него и многіе будутъ производить потомъ, но при которой на самомъ дѣлѣ угасаетъ евангельская жизнь. Толстой отвергаетъ начало (сверхъестественное происхожденіе Христа) и конецъ (воскресеніе) Евангелія и перерабатываетъ середину. Онъ принимаетъ Божественное ученіе, но не хочетъ вѣрить, что оно возвѣщено Единороднымъ Сыномъ Божиимъ.

Поучительно сравнить взгляды на Христа Толстого съ взглядами другого искателя религіозной правды—Вл. С. Соловьева. И Соловьевъ и Толстой съ своими исканіями приходили въ Московскую Академію. Соловьевъ слушалъ лекціи въ Академіи. О Толстомъ мнѣ рассказывалъ покойный профессоръ В. Ѳ. Кипарисовъ, что онъ посѣтилъ академическихъ профессоровъ, но вышло что то какъ будто не особенно складное. Разговоръ должно быть не вязался. Покойный Кудрявцевъ спросилъ Толстого: „скоро ли вы насъ подарите новымъ произведеніемъ, какъ война и мѣръ или Анна Каренина?“ Толстой отвѣтилъ словами изъ посланія Петра (2 Пет, 1, 22): „я не хочу какъ несь возвращаться на свою блевотину“. Толстой, надо полагать, ушелъ изъ Академіи неудовлетвореннымъ, но напрасно онъ ждалъ, что профессора при первомъ свиданіи съ нимъ и притомъ публично заговорятъ или поддержать разговоръ объ интимнѣйшихъ вопросахъ вѣры. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, и Вл. Соловьева въ этомъ отношеніи на первыхъ порахъ постигло разочарованіе. Но надо войти въ положеніе представителей православной Богословской науки въ Россіи. Вѣдь, вгдѣ

нѣтъ столькохъ охотниковъ поглумиться надъ православіемъ и оскорбить эту вѣру и ея представителей, какъ у насъ. За границей къ тому, что человѣкъ держится православныхъ воззрѣній, отнесутся равнодушно или даже съ интересомъ, но у насъ дѣло обстоитъ иначе: въ путешествіяхъ, при случайныхъ встрѣчахъ и во многихъ и многихъ случаяхъ у насъ, памятуя слова Господа (Мѡ. 7, 6), лучше всего молчать о вѣрѣ. Вд. Соловьевъ, имѣю основанія думать, потому догадался объ этомъ, догадался ли Толстой? Не знаю.

Но это—неважно. Важно другое. Соловьевъ выяснилъ себѣ, что религіи нельзя выдумать, никакой „*ma religion*“ существовать не можетъ, нельзя почитать самоизмышленнаго Бога, нельзя диктовать Богу условій съ Нимъ сношенія. Содержаніемъ религіи можетъ быть лишь истина возвышенная свыше. Корень религіи—въ Божественномъ откровеніи. Можно отрицать существованіе откровенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо должно отрицать возможность всякой религіи. Толстой отвергъ откровеніе, но не сдѣлалъ этого необходимо слѣдующаго изъ его отрицанія вывода. Теоретическое Богословіе Толстого—либерально протестантское. Тамъ каждый Карлъ Карлычъ выкраиваетъ Евангеліе по своему и создаетъ своего собственнаго Христа, котораго называетъ научнымъ, историческимъ и противопоставляетъ его Христу вѣры (разумѣй: суевѣрія; изъ деликатности нѣмцы ставятъ: *Glaube*, а не *Aberglaube*). Описаній такихъ Христовъ теперь много. Всѣ они скучны и безнадежны. Евангеліе можно или принять или отвергнуть. Компромиссовъ здѣсь не должно быть. Но прямолинейный Толстой—великій врагъ компромиссовъ—въ этомъ важнѣйшемъ для него дѣлѣ, въ святѣйшемъ своемъ исканіи пошелъ на компромиссы.

Соловьевъ, тоже пережившій періодъ сомнѣній и отрицанія, не пошелъ на компромиссы, онъ принялъ вѣру своихъ отцовъ. И вотъ эти два человѣка: одинъ, узнавшій религіозную истину въ церковномъ ученіи; другой—дошедшій до религіозной истины своимъ умомъ, столкнулись въ своихъ исканіяхъ. И они стали врагами. Толстой отзывался о Соловьевѣ, какъ о мальчишкѣ въ бѣломъ галстукѣ съ распущенными волосами, болтающемъ вздоръ. Соловьевъ называлъ Толстого — неизмѣннымъ Колумбомъ всѣхъ открытыхъ Америкъ, намекая этимъ на то, что Толстой не

создаетъ, а лишь рекламируетъ возвѣщенные до него взгляды и теоріи.

Толстой превосходно зналъ жизнь, Соловьевъ совсѣмъ не зналъ ея, онъ жилъ въ эмпирахъ; Толстой не зналъ науки, Соловьевъ въ этой области зналъ очень много.

Толстой необыкновенно сильно чувствовалъ наличную дѣйствительность, Соловьева окружающая жизнь едва задѣвала. И этимъ различіемъ можно объяснять ихъ различное отношеніе къ жизни и различное рѣшеніе вопросовъ морали. Для Соловьева наличная дѣйствительность не есть подлинная дѣйствительность, обыденная жизнь не есть дѣйствительная жизнь. Духъ Соловьева постоянно обращался къ горнему міру, который въ его глазахъ и былъ подлиннымъ, живущимъ настоящею жизнью міромъ. Считая земной міръ чѣмъ то въ родѣ индійской маіи, Соловьевъ легко мирился съ его порядками и непорядками, онъ находилъ смыслъ въ войнѣ, увѣрялъ себя и другихъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ умерли своевременно. Толстой—охотникъ, рыболовъ, пахарь, косецъ, любитель всѣхъ наслажденій жизни—въ наличной дѣйствительности видѣлъ подлинную дѣйствительность, въ ней хотѣлъ устроить свое и чужое счастье, но для этого очевидно нужно вырвать изъ міровой жизни всѣ плевелы и вырвать ихъ немедленно и сразу. Нужно перестать дѣлать зло, а это вмѣстѣ съ тѣмъ значить, что нужно и не противиться злу. Толстой извлекая эти слова изъ Евангелія (Мѡ. 5, 39) думалъ, что выразилъ въ нихъ всю сущность нравственнаго ученія Христа. Но Христосъ, изгоняющій бичемъ храмовыхъ торговцевъ, не подтверждаетъ такого ученія. Теорія Толстого не христіанская, а до христіанская. Насколько я знаю исторію религіозной мысли, мнѣ представляется, что никто такъ блестяще ни развилъ и такъ полно ни осуществилъ ученія о непротивленіи, какъ Лаотцы, жившіи вѣковъ за 5 слишкомъ до Р. X. Но для Лаотцы осуществить свое ученіе было несравненно легче, чѣмъ для Толстого. Въ то доброе, старое время легко было найти пещеру, которая было ничьею, рѣку, въ которой всякій могъ ловить рыбу, лѣсъ, рубка котораго никому не возбранялась, и Лаотцы могъ спокойно сидѣть въ такой пещерѣ и пронизировать надъ Конфуціемъ, пытавшемся насаждать справедливость и порядокъ въ государствѣ. Но те-

перь въ Тульской губерніи нельзя найти ничьей поляны и ничего лѣса и нельзя тамъ найти мѣста, гдѣ бы человѣкъ былъ свободенъ отъ „повинностей“. Съ точки зрѣнія Толстого исполнять эти повинности значить дѣлать зло. Но какже не исполнять ихъ, живя въ государствѣ? Отъ нихъ можно освободиться, лишь живя *вне* государства. Тогда однако придется освободиться и отъ почты и отъ телеграфовъ и отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ школъ и отъ книгъ, въ которыхъ изложено ученіе мудрецовъ и раскрыта правда. Такимъ образомъ оказывается, что при попыткахъ уйти отъ неправды придется потерять и дорогую правду. Какъ быть тутъ? Потерять правду Толстой не хотѣлъ и онъ старался лишь по возможности не соприкасаться съ неправдою.

Толстой не могъ не сознать, что выраженія „не противься злу“ нельзя понимать буквально и комментировалъ это выраженіе—насиліемъ, но во 1) кто уполномочилъ его сдѣлать такое добавленіе и во 2) что подъ нимъ нужно понимать? Контекстъ Евангелія подсказываетъ очень простой смыслъ для словъ о непротивленіи: не противься злему человѣку, когда онъ хочетъ у тебя отнять что-нибудь несправедливо, не противься ему, если онъ и осудить тебя. Но Евангеліе не говоритъ, что такое непротивленіе должно быть безграничнымъ, Христосъ взываетъ къ великодушію человѣка, но не говоритъ: если тебя хотятъ зарѣзать, то подставь шею. И потомъ здѣсь идетъ рѣчь о великодушіи лишь къ личнымъ врагамъ, а не къ врагамъ добра. Евангеліе никогда не призывало быть великодушнымъ на чужой счетъ. Моего сосѣда обокрали. Какую цѣну имѣетъ мое великодушіе къ вору? Вотъ, если я скажу сосѣду: другъ! я заплачу тебѣ вмѣсто вора, не преслѣдуй его, тогда я поступлю по евангельски, но если я откажусь осудить вора, т. е. откажусь заботиться о благополучіи моего ближняго, тогда мое дѣяніе будетъ противно Евангелію, а не согласно съ нимъ.

„Насиліе“—терминъ, который можно толковать различно. Въ одномъ житіи рассказывается, какъ гнавшіеся за христіанкою языческіе преслѣдователи спросили пастуха, куда она убѣжала? Пастухъ, зная намѣреніе спрашивавшихъ, указалъ на ложный слѣдъ. Это должно было спасти христіанку. Спрашивается: хорошъ поступокъ пастуха или нѣтъ, сопротивлялся ли онъ злу насиліемъ или средствами дозволен-

ными—не скажу: Евангелиемъ, но—графомъ Толстымъ? Для меня неясно, какъ Толстой долженъ бы былъ отнестись къ этому поступку. Приведу другой примѣръ. Человѣкъ въ состояніи оцѣненія готовъ совершить убійство другого, къ которому въ сущности расположенъ, но на котораго раздражился. Его *насилъно* запирають. Послѣ нѣкотораго времени онъ засыпаетъ. Черезъ нѣсколько часовъ просыпается въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Ему рассказываютъ о случившемся и онъ искренно благодаритъ насильниковъ, удержавшихъ его отъ преступленія. Для меня опять неясно, какъ нужно отнестись къ этому факту по теоріи Толстого?

Толстой своею формулою „не противься злу насиліемъ“ хотѣлъ дать всеобщую норму нравственнаго поведенія. Но какъ нельзя изъ олова получить всѣхъ металловъ извѣстныхъ въ химіи, такъ въ его формулѣ нельзя найти руководительнаго начала для большей части поступковъ. Его формула имѣетъ нѣкоторое значеніе, ею утверждается истина, что нельзя добра достигнуть злыми средствами или что цѣль неотдѣлима отъ средствъ, ею отрицается принципъ, что цѣль оправдываетъ средства, принципъ царствовавшей и царствующей въ человѣчествѣ и совершенно неосновательно считае- мой монополіею іезуитовъ.

Но основной недостатокъ формулы Толстого тотъ, что ею не указывается, гдѣ корень зла, которому въ концѣ концовъ, вѣдь, такъ или иначе нужно противиться. Христосъ указалъ этотъ корень зла въ сердцѣ человѣка. Толстой говорилъ о Соловьевѣ: „только теперь, когда онъ умеръ, я понималъ, какъ я его не любилъ“. Я думаю, что Толстой преувеличивалъ свое чувство недоброжелательства къ Соловьеву, но за всѣмъ тѣмъ такое чувство, несомнѣнно, было, и Толстой сознавалъ, что его нужно изгнать изъ души, какъ зло. Какую же помощь въ борьбѣ съ этимъ чувствомъ могла оказать ему его формула? Я склоненъ думать, что Толстой питалъ недоброжелательство не къ одному Соловьеву, онъ питалъ его къ церкви, къ духовнымъ. Едва-ли онъ хорошо зналъ духовныхъ, онъ превосходно зналъ два сословія—дворянство и крестьянство и, пожалуй, послѣднее болѣе, чѣмъ первое, но проникнуть во внутреннюю жизнь духовныхъ ему едва ли удалось. Какъ и профессора Академіи при его визитѣ, они не раскрывали передъ нимъ своей души,

они замыкались въ себя, и они должны были казаться ему неискренними. Какъ и Соловьевъ, Толстой крайне отрицательно относился къ Ницше. Это несправедливо уже, потому что парадоксы Ницше могучее орудіе для возбужденія мысли и это несправедливо еще, потому что можно найдти не мало у Ницше такого, съ чѣмъ въ сущности согласенъ или Соловьевъ или Толстой. Въ частности враждебное отношеніе къ духовнымъ общи у сына нѣмецкаго пастора (Ницше) и брата русской монахини (Толстого). Заратустра у Ницше въ бесѣдѣ съ послѣднимъ папою объ умершемъ христіанскомъ Богѣ говоритъ: „Онъ умеръ... онъ былъ не по вкусу моимъ ушамъ и глазамъ, худшаго я не хотѣлъ бы говорить о немъ послѣ его смерти. Я люблю все, что ясно глядитъ и прямо говорить, а Онъ .. ты знаешь это, старый, въ немъ было нѣчто изъ твоей породы, изъ породы священнической. Онъ былъ болѣе, чѣмъ двухсмыслененъ, а бывалъ Онъ и совѣмъ непонятнымъ. И какъ гнѣвался Онъ за то, что Его дурно понимали. Но почему же Онъ не говорилъ яснѣе? Если это зависѣло отъ нашихъ ушей, зачѣмъ Онъ далъ намъ уши, которыя плохо слышать? Грязь была въ ушахъ нашихъ, пусть такъ! Но кто вложилъ ее туда? Въ томъ, что Онъ метилъ своимъ твореніямъ за то, что они были неудачными, въ этомъ заключается грѣхъ противъ хорошаго вкуса“. Эта короткая рѣчь Заратустры есть резюме многихъ разсужденій Толстого. Въ ней и враждебное отношеніе къ церковному ученію и къ людямъ „породы священнической“. Авторъ „возстановленія ада“ пошелъ только дальше въ проявленіи своей вражды къ церкви и ея служителямъ. Назадъ тому приблизительно около 10 лѣтъ у Толстого какъ то лѣтомъ было нѣсколько студентовъ нашей Академіи. Имъ пришлось обѣдать у него кажется, въ слишкомъ семейномъ кругу и Толстой по какому то поводу сказала имъ: „вы — согляданы изъ духовнаго міра“. Я думаю, что Толстой былъ правъ. Студенты явились къ нему конечно не за тѣмъ, чтобы развязывать ремень у его обуви и стать его безпрекословными учениками, они явились поглядѣть на него, посмотреть, какъ онъ живетъ, узнать его поближе, явились къ нему съ тою же цѣлью, съ какою онъ десятилѣтія назадъ приходилъ къ монастырскимъ старцамъ. Но за всемъ тѣмъ слово „согляданъ“ съ пользою можно бы было не употребить. Толстой

въ послѣдніе годы повидимому сознать это, но едва ли его формула выяснила ему истину. Его отношеніе къ духовнымъ и церкви повидимому измѣнилось. Объ этомъ свидѣлствуютъ опубликованныя его письма къ священникамъ проникнутыя духомъ братолюбія и мира, объ этомъ свидѣлствуетъ и вопросъ обращенный къ православному епископу: „за что церковь такъ ненавидитъ меня“? Вопросъ этотъ наивнѣ въ двойнѣ: во 1) если церковь есть только человѣческая община, то какъ же иначе, чѣмъ отрицательно, могла она относиться къ человѣку заявившему, что эта община вредна; во 2) церковь, какъ учрежденіе (я не говорю объ отдѣльныхъ членахъ) не только не проявила къ нему ненависти, а официально призывала вѣрующихъ молиться объ его обращеніи. Но думается, что этотъ вопросъ, вызванный можетъ быть рѣзкимъ осужденіемъ его дѣятельности со стороны нѣкоторыхъ членовъ церкви, возникъ у него тогда, когда въ немъ исчезло или по крайней мѣрѣ ослабло недоброжелательное отношеніе къ православію.

Но за что Толстой такъ сурово напалъ на церковь? За то, говорилъ онъ и это подтверждаютъ многіе изъ его почитателей, что церковь извратила ученіе Иисуса. Но откуда Толстой или кто другой узнали о фактѣ этого извращенія? Намъ отвѣчаютъ: церковное ученіе не сходится съ евангельскимъ. Не будемъ оспаривать этого тезиса, но спросимъ: откуда же эти мыслители узнали евангельское ученіе? Увы. и Толстой и всѣ они получили Евангеліе отъ церкви. Почти два тысячелѣтія церковь хранить, бережетъ и предлагаетъ каждому Евангеліе, она не внесла въ него никакихъ измѣненій, она не поставила ни одной іоты лишней въ тѣхъ свиткахъ, которыя получила, какъ свое безцѣнное наслѣдіе, въ первые вѣка. Не соглашайтесь съ церковнымъ ученіемъ и пониманіемъ Евангелія, это—Ваше право, но наша обязанность сказать слѣдующее: если бы Евангеліе было въ рукахъ Толстого или ему подобныхъ, его давно бы не было. Пусть почитаютъ переводъ или изложеніе Евангелія у Толстого. Здѣсь полнѣйшая беззаботность по отношенію къ памятнику и греческому языку. Здѣсь видно желаніе представить, что дѣло было такъ, какъ его представляетъ Толстой, и что Христосъ понималъ въ общемъ правственность такъ, какъ ее понималъ яснополянской мыслитель съ тѣмъ разу-

мѣется, различіемъ, что послѣдній, какъ несравненно болѣе образованный, понялъ ее глубже и яснѣе и не уплатилъ дани суевѣріямъ своей эпохи. Церковь хочетъ понять и усвоить Евангеліе, Толстой хотѣлъ его передѣлать. И передѣлка въ данномъ случаѣ является поддѣлкой. Толстой не былъ первымъ и не будетъ послѣднимъ предпринимающимъ это грустное дѣло. Имъ двигало самое благородное намѣреніе—дать людямъ возможно простое и ясное ученіе правды. Но та Библия, которую сохранила церковь и которую передѣлываютъ теперь, учитъ насъ, что не всякое осуществленіе благихъ намѣреній есть благо (2 Царств. 6, 6—7).

Толстой отрицалъ, чтобы церковью людямъ, стремящимся къ Богу, подавалась божественная помощь. Онъ и не хотѣлъ никакой благодатной поддержки. Онъ искалъ Бога безъ Бога. Можетъ быть ему, человѣку могучаго таланта и тонкаго вкуса, казалась недопустимой мысль, чтобы какіе либо „попы“ въ ихъ „нелѣпныхъ“ одеждахъ, стѣсняющіеся въ обществѣ, явно чувствующіе себя неловко передъ нимъ и ему подобными, застѣнчивые, угловатые, знающіе лишь семинарскую науку, живущіе въ нуждѣ и погруженные въ заботы о матеріальныхъ нуждахъ, чтобы эти „попы“ какимъ-либо образомъ могли удовлетворить его жажду къ небесному. Вѣроятно, что отчасти это было такъ. Но хочется думать, что Толстымъ въ его отрицаніи благодатной помощи руководили главнымъ образомъ болѣе высокія соображенія. Онъ, обличавшій нравственное ничтожество просвѣщенныхъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ и нравственную низость непросвѣщенныхъ во „Власти тьмы“, въ то же время идеализировалъ человѣческую природу. Въ слѣдъ за Руссо онъ повторялъ, что человѣкъ рождается совершеннымъ. Въ слѣдъ за Кантомъ онъ повидимому вѣрилъ въ могущество нравственныхъ силъ человѣка. Евангелійскій законъ есть естественный законъ, и человѣкъ можетъ и долженъ осуществить его своими естественными силами. Это требованіе, проистекающее изъ возвышеннаго взгляда на человѣка и поднимающее человѣка въ его собственныхъ глазахъ, должно сообщать ему приливъ нравственныхъ силъ. Это такъ. Но на самомъ дѣлѣ достаточно ли этихъ силъ человѣку для того, чтобы подняться надъ естественнымъ порядкомъ міра, гдѣ царятъ по пророку „рыданіе, жалость и горе“, гдѣ homo hominī lupus и гдѣ, по

мнѣнію натуралиста, считающагося величайшимъ въ XIX столѣтіи, господствуетъ безпощадная борьба за существованіе? Толстой одобряетъ тезисъ Руссо, что дѣти являются на землю нравственно чистыми. Въ устахъ Руссо, не воспитывавшаго своихъ дѣтей, такое заявленіе не представляется страннымъ, но неужели наблюдательнѣйшій Толстой не замѣтилъ, что дѣти—здоровы они или нездоровы физически—всегда рождаются нравственно нездоровыми? Толстой говоритъ, что неужно сердиться, неужно раздражаться. Но прожилъ ли какой-либо младенецъ годъ на землѣ, не сердясь и не раздражаясь? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Толстой говоритъ, что не нужно обманывать и притворяться. Видѣли ли онъ дѣтей, достигшихъ трехлѣтняго возраста и никогда не притворявшихся? Не думаю. Нѣтъ; не государственныя системы, не религіозныя ученія склоняютъ человѣка ко злу, человѣкъ рождается съ этою ужасною склонностью. Рядомъ съ этимъ въ человѣкѣ существуетъ тяготѣніе къ добру и сознаніе, что нужно дѣлать добро. Но за всѣмъ тѣмъ сила зла оказывается могучею и объ этомъ особенно свидѣлствуютъ тѣ, которые посвятили свою жизнь на борьбу со зломъ—великіе подвижники, аскеты, ибо борются со зломъ прежде всего значить бороться съ тѣмъ зломъ, которое находишь въ самомъ себѣ, а не съ тѣмъ, которое предполагаешь въ окружающихъ людяхъ. Люди величайшихъ нравственныхъ силъ чувствовали себя слабыми въ борьбѣ со зломъ міра и зывали о помощи къ Богу, обращались къ молитвѣ и таинствамъ.

Толстой не дѣлалъ этого. Но за всѣмъ тѣмъ мнѣ представляется, что лучшимъ и благороднѣйшимъ изъ его дѣлъ была борьба со зломъ, борьба съ темными влеченіями собственной природы, онъ хотѣлъ искоренить въ себѣ все недоброе и проникнуться любовію къ ближнимъ. Насколько онъ успѣлъ въ этомъ? На этотъ вопросъ благоразумнѣе всего отвѣтить словами Евангелія, которыя часто повторялъ покойный: „не судите, да не судимы будете“ (Мѣ. 7, 1) Не будемъ судить, чтобы не быть судимыми. Мы только отъ всей души и отъ всего сердца выскажемъ наши надежды и наши желанія.

Прежде, чѣмъ Толстой ушелъ изъ міра, онъ ушелъ изъ дома. Очень можетъ быть, что близкіе ему люди могутъ

точно объяснить намъ, куда, зачѣмъ онъ ушелъ, какіе у него были планы и намѣренія? Но признаюсь, это не интересуетъ меня. Мнѣ чувствуется здѣсь нѣчто иное и нѣчто большее и высшее, чѣмъ земныя помышленія. Моя мысль обращается къ прошлому нашей школы, мнѣ вспоминаются свѣтлые образы профессора Ѡ. А. Голубинскаго и ректора А. В. Горскаго. Незадолго передъ смертію совершенно здоровый и относительно не старый Голубинскій писалъ: „пора домой, не вѣкъ скитаться“. Умирающій Горскій вскакивалъ съ постели и кричалъ, стремясь куда то уйти: „домой, домой“. Мнѣ думается, что тотъ же инстинктъ, который заставлялъ Голубинскаго и Горскаго рваться изъ этой юдоли скитаній, побудилъ и Толстого оставить домъ, чтобы устремиться домой—къ небесному Отцу.

Теперь онъ—дома. Какъ встрѣтилъ его небесный Отецъ?

Христось сказалъ: „кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, прощено будетъ: а кто скажетъ хулу на Святаго Духа, тому не простится“ (Лук. 12, 10). Не означаетъ ли хула на Святаго Духа сознательнаго противленія голосу собственной совѣсти—голосу Божію въ человѣкѣ и не говорятъ ли эти слова, что заблужденія относительно Сына Человѣческаго будутъ прощены, если они не вызваны сознательнымъ противленіемъ Божіей правдѣ? Возможны заблужденія и по добрымъ побужденіямъ. Если это такъ, то можетъ быть: Сынъ человѣчскій, принесшій Себя въ жертву за человѣчество, не отвергнетъ Толстого, который хотѣлъ служить человѣчеству и любить его.

С. Глаголевъ.